

Е. В. МИНЁНОК
(Москва)

ПРАЗДНИК ДЕСЯТОЙ ПЯТНИЦЫ — ПРОСТРАНСТВО МЕЖДУ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНОЙ И «ЯРОВОЙ» КОЛДУНЬЕЙ

На всей огромной территории Калужско-Брянско-Смоленского пограничья сохранилось несколько десятков сел, в которых продолжает бытовать традиция почитания местных святых, икон и отдельных дней церковного календаря. Десятая послепасхальная пятница, справляемая до настоящего времени в селе Пятницком Рогнединского р-на Брянской обл.¹, представляет собой типичный престольный праздник со всеми традиционными атрибутами подобных культурных явлений. На вопрос, как отмечался этот день в конце 1920-х гг.², коренные жители села называли хорошо известные признаки: *«Никто не работал. Все шли в церковь, там служили молебен. Потом ходили на святой колодец, набирали воды. Батюшка святил эту воду прямо у колодца. Несли эту воду домой и потом уже обедали. Ну, выпивали, гуляли»; «Была ярмарка. Свозили со всех деревень товар. Корзины плетеные продавали, платки, игрушки глиняные. Даже коней продавали. За две недели до ярмарки приезжали — колышки в землю вбивали, чтоб место занять».*

Причем рассказы-воспоминания о празднике Десятой Пятницы неизменно изобилуют гиперболическими подробностями: *«К нам на праздник съезжалось до тридцати батюшек. Все стоят, службу служат. Одежда на них как жар горит. Я девочкой была, так вот стоишь, глядишь на этих батюшек — они словно боги какие!»; «К нам на Десятую из дере-*

¹ Фольклорные экспедиции в с. Пятницкое были осуществлены Е. В. Минёнок и С. А. Минёнком в 1996 и 1997 гг. при финансовой поддержке международного фонда Earthwatch (США, Массачусетс). В 1997 г. С. А. Минёнок осуществил видеофиксацию празднования Десятой Пятницы.

² Информация получена от семи исполнителей 1916—1921 г. рождения.

вень за двести верст съезжались. Народу было тьма»; «Товару на ярмарке было — наверное, такого в Москве не бывает!».

С одной стороны, подобные характеристики всегда служат подтверждением уникальности описываемого праздника и косвенно способствуют самоидентификации рассказчика. С другой — создаваемый масштаб описываемого явления контекстуально оформляет следующие «свидетельства» о чудесах, произошедших во время престольного праздника. В то же время подобное преувеличение явно контрастирует с сегодняшним состоянием традиции: *«Ну, какая это Десятая? Так, уныние одно».*

Итак, что на сегодняшний день представляет собой празднование Десятой Пятницы? Начнем с общих сведений. На июнь 1997 г. с. Пятницкое насчитывало 32 дома. Средний возраст жителей — 68 лет. Церковь Св. Параскевы, построенная на возвышении, была закрыта около 1929 г. В 1930-е гг. в ней находилась школа, а после — сельский клуб. В 1942 г. здание церкви было сожжено во время одного из артобстрелов. После войны на месте церкви был построен клуб.

Четвертое июля 1997 г. (десятая пятница после Пасхи, праздновавшейся 27 апреля). Девять часов утра. Праздник начинается с того, что перед клубом устанавливается стол. Из соседнего с клубом дома выносят икону св. Параскевы³ и ставят на стол. Размер иконы 70 на 50 см. В центре иконы — фигура св. Параскевы. Икона застеклена и помещена в богатый, позолоченный оклад. Незакрытыми остаются только лик и руки святой. Каждый, кто подходит целовать образ, ставит на стол или на землю банку с водой. Икона покрыта вышитым рушником, поверх него некоторые женщины повязывают платочки. К краям банок с водой привязаны свечи. Их зажигают во время молебна. К одиннадцати утра из райцентра Рогнедино приехал отец Мирослав, молодой батюшка лет двадцати пяти. Он привез приходской хор, состоящий из нескольких девушек и молодых людей. Вскоре начался молебен. Собравшиеся вокруг стола местные жители не принимали участие в службе. Они были всего лишь пассивными наблюдателями.

³ Жители села утверждают, что эта икона была вынесена из церкви непосредственно перед ее закрытием.

Даже пожилые исполнители крестились только тогда, когда крестное знамение клали певцы церковного хора. Для нас, участников экспедиции, было очевидно отсутствие какого-либо взаимодействия между пришедшими на праздник жителями села и священником. Последнего чрезвычайно раздражало поведение паствы, а именно: суетливая толкотня женщин; непрерывный глухой стук друг о друга наполненных до краев банок, когда кто-то из вновь подошедших пытался втиснуть свою банку в ряды других таких же трехлитровок с расчетом, что его «сосуд» окажется поближе к священнику⁴; несмолкаемые разговоры на бытовые темы и т. д. То и дело присутствующие простодушно вставали между батюшкой и иконой, напрочь загораживая собой святой образ. Можно было предположить, что священник со своим хором и паства собрались в одном месте, преследуя различные цели, и объединял их не молебен, а нечто совсем иное.

После молебна все участники обряда отправляются к святому колодцу, находящемуся в полукилометре от села. Колодец расположен в открытом поле и представляет собой пятиметровое в диаметре цементное кольцо, заполненное водой. Вокруг колодца нет никакой ограды. Отец Мирослав достает воду обычным ведром, встав перед колодцем на колени. Молебен повторяется в несколько сокращенном варианте. Батюшка окропляет присутствующих колодезной водой и поочередно опускает крест в открытые банки. Получив освященную воду, жители закрывают банки крышками и расходятся по домам.

Казалось бы, обряд в настоящее время представляет собой голую схему существовавшего некогда в с. Пятницком престольного праздника. Для нас наиболее актуальным остается вопрос: в чем может заключаться профессиональный интерес фольклориста к этому явлению?

Прежде всего, бросается в глаза очевидная диспропорция между явной скудностью фактического этнографического материала и тем «пространством» в коллективном сознании населения, которое занимает его осмысление. Так, все без исключения жители с. Пятницкого в любом разговоре о местной традиции

непрерывно упоминают празднование Десятой Пятницы как свой праздник. Причем эту точку зрения зачастую разделяют три поколения информаторов: бабушки — дети — внуки.

Любой фольклорист, имеющий опыт полевых исследований, прекрасно знает, каким малым авторитетом среди молодежи, а иногда и людей среднего возраста, пользуется исполнение лирических песен, традиционный свадебный обряд, сохранившиеся элементы календарных обрядов. *«Сейчас на свадьбах старикам и рта не дают раскрыть. Как мы какую свадебную песню запоем, так молодежь свою музыку громче делают, чтобы нас совсем не было слышно. Не дают петь — и всё»* (с. Пятницкое). *«Молодежь прям не навидит эти старинные песни. Смеются над нами: “Во, — говорят, — бабки с голуду завыли”»* (с. Снопот).

В определенном смысле жители Пятницкого посредством празднования Десятой Пятницы идентифицируют себя: *«Это праздник старинный. Он только у нас остался»*; *«Вот там Новый Год, Пасха — это у всех, а Десятая — только здесь»*; *«Приезжайте к нам на Десятую, вот тогда и песен запишите»*. Можно с уверенностью сказать, что в данном селе празднование этого послепасхального дня занимает доминантное положение среди прочих праздничных дней.

Многочисленные предварительные интервью⁵ наглядно показали восприятие праздника как значительного явления местной культурной жизни. Тем более странным казалось равнодушие участников обряда во время непосредственного празднования Десятой Пятницы.

Содержательная сторона прошедшего молебна попросту оказалась незамеченной присутствующими. В опросах, проведенных непосредственно после праздника, никто не мог даже приблизительно объяснить смысл происходящего. Жители как бы отделяли себя («мы») и церковный хор («они»). Высказывая свое отношение к молебну, его участники, прежде всего, обращали внимание на эстетическую сторону происходящего: *«Красиво хор пел»*; *«Девушки красивые в платочках»*; *«Парни высокие, такие симпатичные, Богу молятся — интересно.»*

⁴ Существует местное поверье, согласно которому вода в банках, освященных первыми, обладает наибольшей благодатной силой.

⁵ В экспедициях 1996 и 1997 гг. было проведено пятнадцать опросов на тему празднования Десятой Пятницы.

Ответы на центральные вопросы наших опросников — «Зачем Вы ходите на праздник?» и «Кто такая Десятая Пятница?» — позволили выявить чрезвычайно важные детали, во многом объясняющие описанный выше дисбаланс между содержанием обряда и его осмыслением.

Первый тип ответов на вопрос о мотивации присутствия на празднике касался целебной силы воды, проявлявшейся именно в день Десятой Пятницы: *«Идем, чтобы воды святой набрать. Мы ее весь год храним, скотину поим, сами пьем. Вода святая — первая помощница»; «На колодец сходишь — поздоровеешь. Водичкой умоешься — весь год болеть не будешь».*

Второй тип ответов касался образа почитаемой иконы: *«Если что болит, надо на икону повязать платок. Оброчник мы называем. Обречешь платочек — выздоровеешь. Вот за этим и ходим».*

Обращает внимание крайне прагматичное отношение к молебну и, вместе с тем, благоговейное отношение к воде и иконе, используемых во время обряда.

Анализируя видеозапись, нетрудно заметить, что все те моменты, которые имели особое значение для местных участников праздника, вызывали явное неприятие отца Мирослава:

- 1) навешивание платков на икону;
- 2) кидание монет в святой колодец;
- 3) суета и особое воодушевление во время освящения воды;
- 4) троекратное прохождение под иконой во время ее переноса к колодцу.

Особое возмущение отца Мирослава вызвало возникшее спонтанно массовое брызганье жителей друг друга колодезной водой из рта. Согласно местной традиции это верный способ избавиться кого-либо от сглаза или иных недугов и неурядиц. Причем брызгать надо внезапно, чтобы этого никто не ожидал, *«тогда больной испугается и глаз испугается. Вот мы на Десятую и прыскаем друг друга на доброе здоровье».*

Соответственно, присутствующие набирали в рот воды и брызгали друг друга, своих внуков и даже нас, участников экспедиции. Позже отец Мирослав подошел к нам с извинениями за «распущенность» членов паствы и назвал подобное действие кошунством.

Таким образом, было очевидно, что пастырь и паства, участвуя в одном обряде, по сути, молились разным богам.

В каноническую службу были включены элементы, противоречащие устоям православной церкви, но именно они находили особый душевный отклик у паствы. Каждая из сторон, игнорируя друг друга, наполняла обряд своим содержанием и наделяла его своими функциями.

Сложившаяся ситуация своеобразного «двоеверия» оказалась весьма продуктивным способом сохранения данной обрядовой традиции среди местного населения и неизбежно привлекала к участию в праздновании Десятой Пятницы служителя церкви, так как, по словам отца Мирослава: *«Священник обязан бороться с язычниками».*

Вторым существенным стимулом для ежегодного празднования Десятой Пятницы является вера в исцеляющую силу иконы, которая в местных поверьях представлена как бы в двух лицах. В коллективной памяти жителей закреплена мотив чудесного явления почитаемого образа. Каждый знает, что икона явилась в колодце, после чего этот колодец стал почитаться святым. Это определенная константа местной традиции. В Пятницком любой ребенок, проживающий постоянно или приехавший на каникулы к бабушке, с готовностью вел нас показывать колодец, где явилась икона. На вопрос о том, что случилось с этой иконой, мы слышали два стандартных ответа: *«Икону принесли в село, занесли в церковь, а во время войны от бомбежки и церковь сгорела, и икона вместе с ней».* Другой вариант ответа: *«Церковь разорили, а икону кто-то себе домой забрал. <По словам жителей, та, первоначальная, икона св. Пятницы, бесследно исчезла, а образ, перед которым проходит молебен в наши дни, был принесен монашкой уже после войны.> Шла монашка из монастыря, несла икону, устала. Зашла в крайнюю хату. Ее Нюрочкина мать приняла. И вот за ее доброту эта монашка и оставила ей икону святой Пятницы. <А что это была за монашка?> А кто ее знает? Может, Богородица была, а может, святая Пятница».*

С тех пор и хранится образ в доме Нюрочки, чья мать приняла странницу. Нюрочка (Анна Ивановна Фетисова) — бездетная, хромяя, плохо разговаривающая женщина пятидесяти лет. У нее есть муж, который на двадцать лет ее моложе. В их доме нередко собираются компании для распития спиртных на-

питков. Про Нюрочку и хранящийся в ее доме образ рассказывают следующую любопытную историю. В соседнем Дубровском р-не служит священник Василий (Василий Голован)⁶, родной отец Мирослава, рогнединского священника. Однажды дубровский батюшка посетил дом хромой Нюрочки в Пятницком и пришел в ужас от увиденного беспорядка. Он стал уговаривать мужа и жену отдать образ в районную церковь. Муж Нюрочки, боясь не справиться с дородным отцом Василием, пошел за соседями, и совместно они отстояли свою икону.

Этот факт встречает глубокое понимание у всех жителей села: «Икона должна быть у нас в селе — раз она здесь явилась». (В то же время все подтверждают, что явилась не именно эта икона.) «Пусть она будет в доме Нюрочки. Она убогая. У нее ничего нет. Пусть хоть Пятница у нее стоит».

В фольклористике остается малоизученной проблема соотношения реального факта и художественного вымысла. Нам удалось выяснить, что некая дальняя родственница на самом деле подарила эту икону Нюрочкиной матери. Мотив дарения остался невыясненным.

Теперь о том, кто такая мать Нюрочки, Анна Тимофеевна Кожина. Буквально в каждом доме Пятницкого нам говорили о том, что она была самая «яровая колдунья»: «Она всю жизнь колдовала, вот Бог ей детей и не дал, одну хромую Нюрочку послал». В подобных рассказах Анну Тимофеевну называли не «отходчицей», а именно «колдуньей» или «ведьмачкой»⁷. В ответ на наш аргумент о том, что она и рядом с церковью⁸

⁶ Отец Василий, настоятель храма в поселке городского типа Дубровка, пользуется большим авторитетом среди местного населения. Именно его стараниями был восстановлен храм Паисия Величковского в Дубровке. Отец Василий ведет службы в дни престольных праздников в селах Рогнединского и Дубровского районов.

⁷ Это довольно нехарактерно для мифологической традиции изучаемого ареала. На территории Калужско-Брянско-Смоленского пограничья практически не наблюдается разделения магии на так называемую «черную» и «белую». Одни и те же люди в восприятии их односельчан могут быть как колдунами, так и лекарями («отходчиками»).

⁸ Как упоминалось выше, местный клуб построен на месте разрушенной церкви. Дом Нюрочки соседствует с клубом.

жила, и икона св. Параскевы у нее в доме оказалась, мы достаточно часто слышали следующий ответ: «Ну, может, она с иконой этой и колдует?». Более того, в нескольких вариантах было записано и такое объяснение: «А что церковь? Хоть и церковь, а место это нечистое!».

Дальнейшие подробные расспросы жителей позволили записать следующий текст: «На этом месте был монастырь женский. Пятница была настоятельницей. Была строгая, всех монашек в строгости держала. И вот решили упразднить монастырь. Приехали из района — монастырь сломали. И вот эта Пятница все заранее знала. Она все монастырское золото зарыла под тринадцатой сиренью⁹, а место это проклято. И вот на этом месте ничего не устоит. Был монастырь — не устоял. Была церковь — сгорела. Был клуб — и тот развалился».

Представление о том, что место, где сегодня находится клуб, а ранее стояла церковь, нечистое, наиболее распространено среди молодежи и жителей среднего возраста (35—45 лет). «Это место нечистое, здесь тропляется»¹⁰, — вторят им подростки. «Место это нехорошее. Пятница здесь, под тринадцатой сиренью, клад зарыла. Многие рыли, но кто знает, какая сирень тринадцатая?».

В одном семантическом ряду с пове­рьем о нечистом месте, где стояла церковь, располагается следующее поверье: «Мы всегда ходим на Десятую Пятницу. Почитаем ее. Если не сходишь — здоровья не будет».

Надо отметить, что никаких запретов стирать, золить, шить или ткать по пятницам (столь характерных для культа Параскевы Пятницы) нами зафиксировано не было. Вместе с тем, по косвенным упоминаниям сквозь чудотворный образ местнотимой иконы «просвечивает» образ совсем иной Пятницы — существа строгого, недоброго или даже колдуньи.

Подводя итоги, можно заметить, что православная составляющая праздника Десятой Пятницы остается на периферии осмысления и восприятия местных жителей, тогда как образ Пятницы в устных рассказах сохраняет традиционную для этого персонажа связь с водой и ворожкой.

⁹ Вокруг церкви были посажены кусты сирени.

¹⁰ Тропяться (диал.) — мерещиться.